

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научная статья

УДК 911.3 : 355

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43

**«ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА» В РОССИЙСКИХ
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ПОДХОДЫ, ТРЕНДЫ, ПРИОРИТЕТЫ****Александр Георгиевич Дружинин**

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону, Россия

Институт географии РАН, г.Москва, Россия

alexdr9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>, Scopus Author ID: 7005628550

Аннотация. Статья посвящена осмыслению факторов, тенденций, исследовательских подходов и приоритетов разработки «военной тематики» в российской общественной географии. В фокусе анализа – как пролонгированная ретроспектива (начиная с первой половины XIX в.), так и актуальные процессы, включая соответствующие аспекты Специальной военной операции на Украине. Приоритетное внимание уделено особенностям формирования и развития в России особой географической дисциплины – военной географии, а также эволюции её базовых методологических постулатов (рассматриваемой в контексте общемировых трендов). Акцентировано, что российская военная география, явившись первоначально одним из «драйверов» развития всей отечественной географической науки, с середины XX столетия оказалась на периферии научного поиска; нарастающая дистанция с иными («невоенными») разделами географии (в первую очередь, обществоведческими) стала одним из базовых факторов (и проявлений) фактической стагнации и маргинализации военно-географических исследований. Показано, что присущие последним десятилетиям метаморфозы характера «войны» (равно, как и её рефлексии социумом), дополняемые возрастающей ролью «военной составляющей» в пространственной организации общества, инициируют переход к предельно расширительному пониманию содержания «военной географии», чья предметно-объектная сфера призвана вмещать всю совокупность не только географических детерминант военной деятельности, но и самих военных действий, причём приоритетное внимание должно уделяться пространственным факторам, последствиям, а также структурам войны (театры военных действий, военные округа, военные ландшафты и др.). Подчёркивается, что в современной России имеют место как многоаспектные предпосылки дальнейшего развития военно-географических исследований (в том числе и в русле «геополитизации» науки), так и значимые барьеры (информационные, институциональные, морально-ментальные) их культивирования в рамках общественной географии.

Ключевые слова: общественная география, война, военная география, география войны, пространственные структуры войны, геополитика, история науки, Россия

Для цитирования: Дружинин А.Г. «Военная тематика» в российских общественно-географических исследованиях: подходы, тренды, приоритеты // Географический вестник. 2023. № 1(64). С. 30–43. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43.

ECONOMIC, SOCIAL AND POLITICAL GEOGRAPHY

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43

**MILITARY TOPICS IN RUSSIAN SOCIO-GEOGRAPHICAL RESEARCH:
APPROACHES, TRENDS, PRIORITIES****Alexander G. Druzhinin**

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

alexdr9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>, Scopus Author ID: 7005628550

Abstract. The article discusses the factors, trends, research approaches, and priorities for the development of ‘military subjects’ in Russian human geography. The focus of the analysis is both a prolonged retrospective (since the first half of the 19th century) and current processes, including relevant aspects of the Special Military Operation in Ukraine. Priority attention is paid to the peculiarities of the formation and development in Russia of a special geographical subdiscipline – military geography, as well as the evolution of its basic methodological postulates (considered in the context of global trends). Russian military geography, having initially been one of the drivers of the development of Russian geographical science as a whole, has been on the periphery of scientific search since the middle of the 20th century; the increasing distancing from other (non-military) sections of geography (primarily those related to social studies) has become one of the basic factors (and manifestations) of actual stagnation and marginalization of military geographical research. The

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

paper shows that the metamorphoses of the nature of 'war' manifested in the last decades (as well as its reflection by society), complemented by the increasing role of the 'military component' in the spatial organization of society, initiate the necessary transition to an extremely broad understanding of the scope of 'military geography', whose subject-object sphere is designed to comprise the totality of not only geographical aspects of military activity but also military operations themselves, with priority attention to spatial determinants, consequences as well as structures of war (military districts, theaters of military operations, military landscapes, etc.). It is emphasized that in modern Russia, there are both multidimensional prerequisites for the further development of military geographical research (including in line with the 'geopoliticization' of science) and significant barriers (informational, institutional, moral and mental) to their cultivation within human geography.

Keywords: human geography, war, military geography, geography of war, spatial structures of war, geopolitics, history of science, Russia

For citation: Druzhinin A.G. (2023). Military topics in Russian socio-geographical research: approaches, trends, priorities. *Geographical Bulletin*. No. 1(64). Pp. 30–43. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43.

Введение

Война, то есть, согласно традиционному, зафиксированному в словаре В. Даля [48] определению, «раздор и ратный бой между государствами» или, в более современной, широкой интерпретации «борьба, враждебные отношения, агрессивная конкуренция» [68], понимаемая также в качестве «хронической болезни человечества» [46], его «вечного спутника» [45] равно как и неизменного «продолжения политики иными средствами» [50], «материального выявления исконных противоречий бытия» [5], предстаёт одним из предельно значимых и при этом многомерных составляющих мироустройства, сопровождаемых в том числе негативом лишений, разрушений, страданий и жертв.

Сопряжённость феномена войны с географией, с динамикой данной отрасли знания, с её предметно-объектной сферой – универсальна, глубинна и по самой своей сути – неустраима. Её чётко констатировал, к примеру, ещё Альфред Гёттнер в своей фундаментальной книге «География, ее история, сущность и методы», подмечая, что «география связана с процессом открытий и завоеваний, составляющим большую часть содержания мировой истории» [11, с. 7]. Развивая данную тему, другой наш выдающийся предшественник и коллега К.К. Марков подчёркивал при этом и исключительную роль самой географии (как комплексной дисциплины) в войне [30]. Понимание, что вся география служит военным целям, однозначно демонстрировал и один из ведущих специалистов в области французской геополитики Ив Лакост [58]. Безусловная приоритетность «военного аспекта» подмечалась также в ряду т.н. «глобальных проблем человечества» [27], сполна проявившихся уже в 1980-е гг. Впрочем, и в современном нам контексте XXI в. для международного географического сообщества проблематика Войны остаётся одной из первостепенных (как симптоматично и верно подмечено, что «география лучше изучает войну, чем мир» [61]), многократно обсуждаемых [57; 65; 69], но при этом и весьма неоднозначно воспринимаемых составляющих научного поиска, что, в частности, убедительно проиллюстрировала сравнительно недавняя дискуссия в Американской ассоциации географов (AAG) об этике участия её членов в «военных» исследованиях [67].

Как свидетельствует опыт прошлого, «военная тематика» всякий раз активизируется именно на переломных, «высокотурбулентных» этапах истории, будучи инициируема острыми геополитическими конфликтами и, в ещё большей мере, их производной и проявлением – военно-силовым противостоянием. Резко обострившиеся зимой 2022 г. противоречия в системе «Россия – Запад» и масштабные (в ещё более существенной мере резонансные) события, связанные со Специальной военной операцией на Украине (трансформировавшейся в полномасштабную, затяжную, трагическую по своим текущим и долгосрочным последствиям войну), увы, в очередной раз неумолимо выводят на авансцену военные приоритеты, технологии и способы разрешения углубляющихся глобальных и внутристрановых политико-экономических противоречий. В данном контексте всё более актуализированной становится «военная тематика» и непосредственно для России, для нашего научного сообщества, включая лиц, профессионально занятых географическими исследованиями. Цель статьи – основываясь на осмыслении ретроспективы формирования

заделов и подходов в области военной географии (с акцентом на российскую традицию, соотнесённую с соответствующим зарубежным опытом), а также учёта современных реалий, выявить и обосновать приоритеты и барьеры многоаспектного «россиицентрированного» изучения феномена войны (её пространственных детерминант, особенностей, структур и процессов) в общественной географии.

Эволюция российской военной географии: от поступательной динамики к стагнации и маргинализации. Пришедшееся на первую четверть XIX столетия зарождение военно-географических подходов в России (где курс военной географии преподавался начиная с 1810 г. [39]) явилось, с одной стороны, итогом интеллектуального взаимодействия с иными ведущими центрами военной мысли того периода (Франция и Германия), с другой, – стало логичным ответом на возникавшие перед страной масштабные геостратегические вызовы, требующие в том числе как становления национальной системы военного образования, так и общего осмысления роли «географического фактора» в достижении успеха на полях сражений.

Российская школа военной географии (а именно так обозначают её в «мемориальных» и историографических работах [36; 41; 44]) изначально формировалась на основе не только заимствований зарубежных подходов (А. Жомини, Т. Лавалли, Ф. Рудторфер и др.), их подчас критического осмысления (основу этому положил полковник Генерального штаба П.А. Языков своей книгой «Опыт теории военной географии...» [51]), но и самостоятельных идей, сердцевиной которых в значительной мере становятся именно обществоведческие подходы.

Полагая, что военно-географический анализ не может ограничиваться (как в тот период имело место) ни топографическим описанием местности, ни неким произвольным сводом (пусть и в «военных» интересах) географической (с превалированием природоведения) информации, Д.А. Милютин (фактический родоначальник и ведущий теоретик военной географии в Российской империи) постулировал необходимость перехода к комплексному государствоведческому (страноведческому) анализу военных сил и средств, структурируемых им в три основные раздела: 1) страна (территория), 2) народонаселение и 3) государственное устройство и постановления [33]. Предлагая новое (расширительное) видение содержания военно-географических исследований, Дмитрий Алексеевич посчитал целесообразным именовать соответствующую научную дисциплину «военной статистикой», что, с поправкой на бытовавшие тогда понятийно-терминологические подходы, симптоматично и логично, поскольку статистика воспринималась именно как «наука о способах и средствах государственного управления» [10, с. 1]. Речь фактически шла о синтезе традиционной (природоориентированной) «военной географии» с неким (если оперировать современными категориями и смыслами) «военным государствоведением» и в целом «военным обществознанием» (в середине XIX в. в «статистику» включалось изучение чуть ли не всей общественной жизни [40]).

Именно Д.А. Милютин заложил весьма ценный, во-многом опередивший своё время исследовательский фундамент отечественного военно-географического анализа, а обретённый им последующий многолетний высокий статус (военный министр и генерал-фельдмаршал) не только благоприятствовал развитию российской военно-географической научной школы, но и содействовал многоаспектному (и продуктивному) влиянию «военной составляющей» на развитие всей системы географического знания в России. «Огромный вклад, сделанный офицерами в географическую науку» [39, с. 4], в дальнейшем, уже в советский период, в полной мере был оценён лишь в годы Великой Отечественной войны. Само же словосочетание «военная статистика», продолжая циркулировать в профессиональном дискурсе [19; 29; 32], в российской системе военного образования тем не менее всё больше вновь замещалось термином «военная география» (именно с таким названием соответствующий курс в 1903 г. массово введен в юнкерских училищах, став

в 1909 г. обязательным и для всех иных типов военных учебных заведений [12]). Лишь отчасти укоренились и постулируемые Д.А. Милютиним обществоведческие подходы, чему в немалой степени благоприятствовали сохраняющиеся в общеевропейском масштабе доминирующие традиционные, «ограниченные» взгляды на содержание военно-географического анализа (по симптоматичному мнению А. Геттнера военную географию можно разделить на две части: «более общее изучение природы с военной точки зрения и более специальное топографическое изучение отдельных местностей, которые могут быть интересны как возможное поле сражения» [11, с. 136]).

Впрочем, уже в первые десятилетия XX столетия, на переломе эпох и политико-экономических систем, отечественная военная география вновь обрела поступательную динамику благодаря А.Е. Снесареву, генерал-лейтенанту, востоковеду, теоретику с развитым географическим мышлением и, одновременно, с чётким осознанием существенности акцента в том числе на компонентах военного потенциала территории, изначально не фиксируемых статистикой (культура, морально-психологические установки и т.п.), на экономике войны, на последствиях военных действий, исследуемых в том числе и в формате «военного обществоведения» [44]. К этому же периоду (1920-е гг.) относятся и первые попытки инкорпорировать «военно-географическую» проблематику непосредственно в предметную сферу географической науки [49]. Сама же военная география тем не менее и содержательно-тематически, и организационно всё ощутимее дистанцировалась от «остальной географии», включая и её обществоведческую ветвь, с 1930-х гг. резко ограничившую собственную область интересов отдельными сферами хозяйства [7; 23]. Военная география, как отмечалось в тот период, также «замкнулась в свой круг и отмежевалась от общесоветского географического центра» [39, с. 5].

Великая Отечественная война и предшествующие ей геополитические события не только придали военно-географическим исследованиям новый импульс [9], но и на некоторое время вывели их за рамки собственно силовых структур. Так, в частности, в ведущем на тот период географическом журнале «Известия Всесоюзного географического общества» был опубликован ряд статей с характеристиками включённых в состав СССР накануне войны территорий. Наиболее значима и показательна в этом отношении работа В.П. Семёнова-Тян-Шанского, посвящённая Западной Белоруссии и Украине [42]. В фокусе внимания ведущих советских географов оказалась и в целом проблематика военной географии [14; 30], как виделось уже тогда, вмещающая (наряду с физико-географическими условиями военных действий) географию стратегического сырья, комплексную оценку экономических ресурсов тыловых территорий, а также вопросы восстановления хозяйства в бывших прифронтовых районах. Констатируя необходимость «необычайного разнообразия» военно-географического исследования местности, К.К. Марков (автор в том числе и оригинального учебного курса по «Военной географии» [24], предусматривающего, в частности, подразделение дисциплины на стратегическую географию, призванную изучать военно-географические свойства страны, военно-географический анализ театров военных действий и военно-географическую тактику) одновременно подчёркивал, что «могущество географического фактора таково, что оно сказывается несмотря на изменчивость политической и экономической обстановки, приёмов стратегии, технического оснащения войск и т.п.» [30, с. 15]. Существенный вклад в научное обеспечение Победы вносили и многие иные географы того периода (в том числе специалисты в области экономической географии), что полноформатно отражено в соответствующих «мемориальных» работах [24; 47]).

В дальнейшем, в силу совокупности объективно-субъективных причин (тотальное отсутствие необходимой специфической информации, табуирование родственных военной географии геополитических подходов и др.), «военная составляющая» географического анализа в масштабе всего нашего профессионального сообщества вновь оказалась

фактически маргинальной, игнорируемой, превратилась в эксклюзивное занятие немногочисленной когорты «специалистов в погонах», неизменно следовавших былой исследовательской традиции [1; 4; 6; 20; 37] с неизбежным отставанием как от эволюционного тренда отечественной экономической географии (дифференцирующейся, расширяющей спектр своих интересов, трансформирующейся в социально-экономическую и, далее, общественную географию), так и наработок зарубежных коллег, уже сполна воспринимавших военно-географические исследования как часть Human Geography, стремившихся расширять её тематический контур [21]. Характерно при этом, что если возрождение политико-географического направления в нашей стране началось ещё в 1980-е [59], а вопрос «геополитизации» общественной географии акцентирован в начале 1990-х гг. [28], то военная география и её проблематика для постсоветской социально-экономической (общественной) географии, лишь эпизодически, фрагментарно проявлявшей интерес к «военной» теме [13; 18; 26; 31], в том числе благодаря «смещённости» приоритетов на иные области и сферы [15; 22], продолжала оставаться преимущественно в качестве некой terra incognita. К началу 2020-х гг. данная ситуация разительно контрастировала не только с изменившимся международным контекстом, равно как и с вновь возрастающей ролью «военной составляющей» в обществе (включая российское), в его экономике, культуре, но и с глобальными трендами самой географической науки, продолжающей испытывать дифференциацию и, одновременно, нащупывающей, формирующей свои интегрирующие, междисциплинарные направления, в том числе созвучные глобальным вызовам.

«Военная составляющая» общественно-географических исследований: предметная сущность и основные направления в современном глобальном контексте. Трансформация мироустройства (равно как и миропонимания) неизменно проецируется на науку, видоизменяя её предметное содержание и целевые ориентиры. Системные метаморфозы все последние десятилетия демонстрирует и военная география, испытывавшая свою «социологизацию», расширявшая (в русле общего изменения характера войны, а также связанного с ней дискурса) сферу «охвата» и тематических интересов.

Присущие современному человечеству войны (уже более столетия назад обретшие общепланетарный масштаб) стали в полной мере многосредовыми, распространившись, первоначально, на воздушное пространство, а ныне – и околоземные орбиты [43], перемещаясь также в киберпространство, зримо проявляясь в финансово-экономической, технико-технологической, информационной и, наконец, ментально-духовной сферах. Будучи идентифицируема как «холодная», а затем и «гибридная» [2], война сполна демонстрирует не только свой глобальный, но и во-многом *перманентный* характер, проявляя себя в качестве важнейшей грани функционирования и соразвития политико-территориальных систем, детерминанты пространственных социально-экономических процессов, значимого фактора социоприродного взаимодействия (особенно в потенции, учитывая катастрофически разрушительные возможности современных вооружений) и, соответственно, важнейшей компоненты всей общественно-географической динамики. Вполне симптоматично, в этой связи, утверждающееся видение нарастающей конфликтогенности современного мира [8], равно как и показательны уже имевшие место в российской социально-экономической географии попытки [34; 35] акцентировать глубинные противоречия, лежащие в основе силовых столкновений, очертить контуры политической геоконфликтологии.

В существенно изменившихся к XXI столетию параметрах фрагментированного и асимметричного социально-экономического пространства военные действия всё в большей мере фокусируются на урбанизированных территориях (что иллюстрирует ситуация в Сирии и, в меньшей мере, на Украине) и одновременно выносятся в некие относительно обособленные периферийные (по отношению к ключевым метрополиям и обслуживающим их сетям, потокам и ареалам), «серые» зоны (рассматриваемые как порождение гибридной войны [3]), что означает фактическую *глокализацию* военно-силовой активности.

Трансформируется и сама повестка военно-географических исследований. В их, пожалуй, наиболее показательном (и «продвинутом») англоязычном сегменте традиционный акцент на вооруженные конфликты [62], географию военных баз [54], военно-логистические взаимодействия [53] дополняется, в частности, пространственными исследованиями предпосылок военных конфликтов, «военного» землепользования и экологии, экономической географии военной промышленности, социальных и культурных последствий локализации военных сил, а также оценкой проекции самих военных действий на население [56], жизнедеятельность тех или иных стран [52]. Широкое распространение получила также так называемая «критическая военная география», ориентированная на объяснение механизмов (институциональных, культурных, социально-политических и др.) формирования и действия военного потенциала того или иного государства [69]. В данном контексте имеет место и «антивоенный» географический дискурс (его зримым проявлением выступает озвученная десятилетие назад идея паст-президента Американской ассоциации географов (AAG) Эрика Шеппарда [66] о приоритете «географии мира»), сопровождаемый усилиями по конструированию «ненасильственной географии» [67], попытками укоренения «культуры взаимопонимания», научного обеспечения перехода к «миролюбивой геополитике» [61].

Речь, в итоге, идёт об обширной научной повестке, вмещающей множество зачастую разнородных, подчас противоречивых аспектов и задач, во-многом созвучных общим направлениям и целевым ориентирам развития современной общественно-географической науки. Военная же география, в итоге, зародившись и продолжая воспроизводиться (в том числе и в России) как «география для военных», «география для ведения войны» (и, соответственно, органичная часть «военной науки» [38; 63]), в последние десятилетия фактически дополняется исследованиями «географии войны», её пространственных предпосылок, проявлений, следствий. «Военная тематика» в этой ситуации продолжает ощутимо *сместиться в предметное поле именно социально-экономической (общественной) географии*, а традиционная сфера «военной географии» оказывается лишь частью предельно широких по содержательному охвату *военно-географических исследований*. Учитывая их современный спектр (и, в ещё большей мере, потенциал), военную географию, как особую дисциплину, полагаем, уместно рассматривать одновременно и в «узком» (профессионально-военно-ориентированном), и в «широком» (собственно гуманитарном и обществоведческо-природоведческом) смысле. В последнем случае речь должна идти, прежде всего, о тяготеющем к предметно-объектной сфере общественной географии (интегрированном в её структуру) междисциплинарном направлении (развивающемся на «стыке» профильных разделов географии, «военной науки», геополитики, геоэкономики, геоэкологии и др.), нацеленном на комплексный проблемно-сфокусированный анализ пространственных факторов, особенностей и последствий как собственно военных действий, так и подготовки к ведению войны, включая различные аспекты воспроизводства (наращивания) страной, либо группой государств, своего военно-силового (оборонного) потенциала. Этот *интегрированный предмет* современной военной географии призван объединять, в итоге, исследования: 1) общественно-географических (в т.ч. геополитических, геоэкономических) детерминант войны; 2) её геоусловий (ситуационный контекст в увязке с общей территориально-акваториальной организацией социума); 3) ресурсных предпосылок войн (включая локализацию военных предприятий, профильных исследовательских структур, систему подготовки кадров, меру укоренённости в территориальных общностях некой «культуры войны» и др.); 4) географических ареалов военных действий (актуальных, бывших, вероятностных); 5) последствий войн (включая видоизменённую военным противостоянием архитектуру пространственной организации общества). В логике трансформации (развития) военно-географических предметов рельефнее, многоаспектнее просматривается и их *объект*, являющий собой инвариантные пространственные структуры войны, их сопряжённость и эволюцию.

Пространственные структуры войны: идентификация и концептуализация.

Война, как справедливо полагают [57], характеризуется сложной пространственностью. Последняя, становясь в общем контексте социальной динамики (в том числе и в своём восприятии) всё более многомерной и структурированной, являет, как видится, единство трёх основных составляющих, очерчиваемых самостоятельным набором специальных категорий, чьё появление в «языке» военной географии и укоренение в научном дискурсе в целом корреспондирует с исторической траекторией военно-географических исследований.

Осмысление *пространства для военных действий* «стартовало» с концептуализации их «театра» (театра военных действий – ТВД), начатой, как отмечают [1], ещё в 1815 г. генералом А. Жомини. В дальнейшем это ключевое классическое понятие (интерпретируемое нынешними военными теоретиками как «пространство, в пределах которого перед вооруженными силами ставится стратегическая цель, достижение которой... будет способствовать дальнейшему успешному ведению войны и победоносному ее завершению» [25, с. 60]), практически доминировало в отечественной военной географии, лишь эпизодически замещаясь менее прижившимся «регионом военных действий» [12]. В «мирное» время, кстати, ТВД (со всем их разнородным природным и социально-экономическим «наполнением») преимущественно умозрительны и гипотетичны [25]; свои действительные контуры они обретают непосредственно в ходе развёртывания и столкновения войск, что изначально предполагает множественность конструирования соответствующих структур, их взаимное непротиворечивое ментальное «наложение». По отношению к собственной стране ТВД, как правило, экстравертны, обращены на сопредельные пространства, что превращает их в фактически антипод иной, относительно устойчивой, результирующей «военной» регионализации в формате *военных округов*. Ещё в 1864 г. в пределах Российской Империи последних было организовано 15 [40], в настоящее время в Российской Федерации – их только четыре (помимо них самостоятельная сфера пространственной ответственности закреплена за Объединённым стратегическим командованием «Север»).

И театры военных действий, и, в ещё большей мере, военные округа являют собой географические образования макромасштаба. Переход на таксономические уровни, более приближенные к фактической природно-хозяйственно-селитебно-культурной «мозаике» пространства, предполагает опору на иные понятийно-категориальные конструкции. Сердцевидное место в их ряду занимает, полагаем, уже достаточно активно используемое зарубежными исследователями [70] словосочетание «военный ландшафт» (*military landscapes*), применимое к множеству территориальных объектов, несущих отпечаток присутствия военно-силовых структур (либо их деятельности) и значимых с позиций как самой военной активности (в том числе ретроспективной), так и её репрезентации. Важно отметить, что совокупность присущих современной России подобного рода «ландшафтов» отнюдь не ограничивается военными полигонами, местами дислокации воинских частей и соединений, объектами военной логистики, но и вмещает в разной мере сохранившиеся бывшие фортификационные сооружения, воинские мемориалы и места знаковых сражений (наподобие музея-заповедника «Куликово поле» в Тульской области или, к примеру, форта «Красная горка» на южном побережье Финского залива). С февраля 2022 г. в Российской Федерации (в основном на её новых территориях) уместно идентифицировать и ландшафты, несущие на себе непосредственный отпечаток текущих военных действий, с существенно усложнёнными условиями для селитебной и хозяйственной активности.

Повышенное внимание военных на Западе (в первую очередь, в США) к социокультурным особенностям фактических и потенциальных ТВД инициировало разработку специальной категории – «человеческий ландшафт» (*human terrain*), начиная с 2007 г. всё более активно задействованной в специальных прикладных исследованиях [60; 64; 67], наподобие реализованной Пентагоном инициативы *Minerva* [55].

«Военная тематика», соответственно, всё полнее соотносится с исследованиями не только природно-территориальных структур (в том числе преобразованных человеческой активностью), но и сопряжённых с ними территориальных социально-экономических систем, актуализируя в том числе и собственно общественно-географический анализ «военного фактора». Речь здесь, в первую очередь, должна идти об оценке меры (степени, масштаба) воздействия размещения вооружённых сил и их повседневной «деятельности» на пространственную динамику (инфраструктуру, локальные рынки труда, потребительский спрос, условия землепользования и др.). Не менее приоритетно идентифицировать собственно «военную компоненту» в системе расселения, начиная от сформировавшихся в структуре крупных городов «военных микрорайонов» (к примеру, один из крупных жилых массивов г. Ростова-на-Дону уже столетия сохраняет укоренённый в местном социуме свой изначальный топоним – «Военвед») до многочисленных ЗАТО (Знаменск, Мирный, Североморск, Фокино и др.), находящихся в ведении МО РФ. Учитывая соответствующую специализацию территорий (концентрация военных контингентов и систем вооружения, а также предприятий военно-промышленного комплекса, профильных научно-образовательных структур), можно в целом вести речь о существенности «стыкового» (интегрирующего физико-географические подходы и инструментарий социально-экономической географии) исследования феномена **военного пространства** или, несколько иначе, с ориентиром на собственно обществоведческий анализ **«военной компоненты» территориальной организации общества**, его структурирования и динамики.

Стержневым объектом военно-географических исследований призвано выступать и собственно **пространство войны**, выстраиваемое (причём не только в былых Мировых войнах, что проиллюстрировали события этого года на Украине) вокруг некой географически фиксируемой оси – *линии* (фактически полосы) **боевого соприкосновения**, ранее обозначаемой также как «фронтовые и прифронтовые районы» [14, с. 11], чей «размер» в ретроспективе трендово нарастал по мере технологически обусловленного роста «глубины фронта» [30].

Характер развернувшейся в российско-украинском порубежье тотальной и, одновременно, в целом чётко локализованной войны вновь предполагает делимитацию и **прифронтовой зоны**, «мигрирующей» в связи с ходом и характером боевой обстановки, а также с учётом применяемых массовых вооружений и дальности их действия. Так, в частности, если до 24 февраля 2022 г. к категории «прифронтовых», по оценке автора, уместно было отнести порядка двух третей от всей фактически контролируемой ДНР и ЛНР территории, то к осени 2022 г. в полосе вероятностного огневого поражения оказались не только все четыре новых российских региона, но, к примеру, и западная часть Ростовской области, а также обширные массивы Белгородской и Курской областей. Впрочем, и иные российские территории (пусть опосредованно, косвенно) по многим аспектам оказались ныне под воздействием войны и её детерминант.

Приоритеты и барьеры исследования феномена войны в современной российской общественной географии. Резко возросшие ныне (особым образом – для западного порубежья России) геополитические риски, интенсивная переориентация трансграничной логистики в пользу «дружественных» стран, трансформация географической структуры спроса на энергоносители, равно как и иные товары традиционного нашего национального экспорта, уход с российского рынка ряда зарубежных компаний видоизменяют экономико-географическое положение регионов страны, ведут к общей сопряжённой с обстоятельствами войны и её последствий «переоценке» их ресурсно-производственного потенциала. Приоритетным для пространственного развития становится и неизбежное превращение в один из его основных «драйверов» собственно предприятий и отраслей военной промышленности. Весомым фактором внутреннего спроса (равно как и межрегионального перераспределения

финансовых ресурсов) оказывается также денежное обеспечение участников СВО. Как в условиях текущего военного времени, так и в обозримой перспективе (в которой, как полагают [43], военные угрозы для России будут лишь нарастать) на всё более «центральных» позициях в структуре российского пространства неизбежно будут появляться также территории с сохраняющейся (в силу этнодемографических и иных причин) либо опережающим образом культивируемой военной культурой и потенциалом воспроизводства мобилизационного ресурса. Все эти моменты в ещё большей мере актуализируют отечественные военно-географические исследования, инициируя необходимость «поворота» к ним в том числе профессионального сообщества российских географов-обществоведов [16]. Каковы здесь реальные возможности? В чём заключаются барьеры?

В ряду внутренних (присущих собственно нашей общественной географии) проблемных ситуаций видятся нарастающий кадровый дефицит, «колея» ранее сформированной (и уже хорошо освоенной) тематики, превалирующее отсутствие практического опыта общегеографического синтеза (а вне ландшафтоведческого анализа – учёта природных и геоэкологических аспектов – военную тематику полноформатно «не поднять») и, наконец, укоренённый, вполне естественный для современных, выросших в пролонгированный межвоенный период поколений исследователей пафос неприятия милитаризма (который, впрочем, согласно парадоксальной формуле философа Н. Бердяева также «одинаковая ложь» наряду с пацифизмом [5, с. 294]).

Вне же очерчиваемого нашей наукой контура возможность обращения к «военной» проблематике существеннейшим образом лимитирует дефицит специальной информации (её «распределённость» по множественным объектам и источникам, усугубляемая наличием полностью «закрытых» сфер, в том числе и в связи со СВО); практическая маловероятность проведения каких-либо полевых, экспедиционных исследований (за исключением разве что познания хранимой ландшафтами памяти о войнах прошлого), а также сохраняющаяся дистанция с коллегами-географами, выполняющими свою профессиональную миссию в аналитических и научно-исследовательских структурах военно-силовых ведомств.

Важно, в этой ситуации, стремиться к созданию междисциплинарных (и межведомственных) «площадок» для обсуждения военно-географической тематики (в том числе, следуя отечественной традиции, в формате РГО, а также, что не менее актуализировано, в рамках Ассоциации российских географов-обществоведов), одновременно постепенно (но последовательно) вводить учёт «военного фактора» в инструментарий общественной географии, в её регионоведческий и страноведческий анализ, расширяя и легитимизируя, тем самым, в том числе и предметную сферу самой военной географии как одну из значимых и неотъемлемых областей географического знания. В существенной мере более частная, инициированная СВО (и на данный момент лишь в первом своём приближении, решённая [17]) задача связана, как видится, с общественно-географическим анализом «новых территорий» Российской Федерации, выявлением условий и механизмов их послевоенного восстановления, реструктурирования хозяйственной сферы, а также реабилитации систем расселения в рамках общего инкорпорирования в геополитическое и социально-экономическое пространство страны.

Заключение

Антивоенная, гуманистическая сущность культивируемого наукой миропонимания должна непременно сочетаться с углубляющимся вниманием исследовательского сообщества к реалиям дихотомии «война – мир» в её социально-пространственной динамике. Неустранимой и универсальной предстаёт в этой связи и пролонгированная сопряжённость феномена войны с географией, её предметно-объектной сферой, с первой половины XIX в., осмысливаемая в том числе и в рамках российской школы военной географии. Присущие последним десятилетиям метаморфозы характера «войны» (равно как и её рефлексии

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

социумом), дополняемые возрастающей ролью «военной составляющей» в пространственной организации общества, инициируют общую «социологизацию» военно-географической тематики, определяют её расширительное толкование, в том числе и как одной из приоритетных составляющих общественно-географического анализа. Соответствующие подходы и исследования в Российской Федерации в последние годы обретают всё возрастающую актуальность; необходимое их последующее развёртывание (в том числе с учётом зарубежного опыта) способно не только послужить ответом на глобальные геополитические вызовы, но и содействовать дальнейшему общегеографическому синтезу, одномоментно диверсифицируя структуру отечественной общественной географии, повышая её практикоориентированность и фундаментальность.

Список источников

1. Алхименко А.П. Военно-морская география. Л., 1991. 152 с.
2. Анисимов Е.Г., Селиванов А.А., Чварков С.В. Гибридные войны — важнейшая часть предметной области теории и практики «высшей стратегии» // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4(77). С. 9–17.
3. Бартош А.А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. 2022. № 10. С. 6–14.
4. Белозеров В.К. Военная география и судьбы мира // Военный академический журнал. 2015. № 4(8). С. 174–176.
5. Бердяев Н.А. О природе войны // Русские философы о войне. Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 246–294.
6. Бочкарёв П. Роль военной географии в изучении экономического потенциала // Военная мысль. 1951. № 10. С. 26–35.
7. Буяновский М.С. О некоторых вопросах экономической географии в свете решений Второго съезда Географического общества СССР // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1956. № 1. С. 110–114.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
9. Географическое общество в годы войны: сб. статей и материалов / сост. А.И. Глухов, М.Ф. Матвеева, А.А. Сорокин. М.: Красная Звезда, 2015. 179 с.
10. Герман К.Ф. Всеобщая теория статистики [Электронный ресурс]: для обучающихся сей науке / изданная от Главного правления училищ. СПб., 1809 (2016). [8], 107, [1] с.
11. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. 1930 (2013). 416 с.
12. Гиссер Г.Г. Военная география России. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1910 (обл. 1911). 148 с.
13. Голубчиков Ю.Н. Роль географического ресурса в грядущих войнах // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 2(24). С. 64–71.
14. Григорьев А.А. Советская география и война // Известия Всесоюзного географического общества. 1944. Вып. 1. С. 10–20.
15. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2(24). С. 127–140.
16. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 2(61). С. 17–33.
17. Дружинин А.Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 5–15.
18. Зверев Ю.М. Эволюция военно-стратегического значения Калининградской области в контексте отношений России и НАТО // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2022. № 1. С. 31–43.
19. Золотарёв А.М. Записки военной статистики для интендантского курса А.М. Золотарёва, заслуженного ординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 1. Очерк теории статистики. СПб., 1904. 106 с.
20. Кожевников Д. Военная география, её место и роль в военной науке // Военная мысль. 1952. № 5. С. 34–48.
21. Коллинз Дж.М. Военная география для профессионалов и непрофессионалов. М.: Научная книга, 2005. 568 с.
22. Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В., Трейвиши А.И. Российская общественная география первой половины 90-х годов // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1996. № 3. С. 7–22.
23. Константинов О.А. К истории и современному состоянию экономико-географической науки в СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1955. № 3. С. 259–266.
24. Котляков В.М., Преображенской В.С. Академическая география – вооружённым силам (1941–1944 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 2. С. 9–21.
25. Криницкий Ю.В., Чеховский В.Г. Сферы вооружённой борьбы и театры военных действий // Военная мысль. 2022. № 9. С. 21–26.
26. Кузин В.Ю. Арктика – военная география региона // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 2(12). С. 38–47.
27. Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Этот контрастный мир. Географические аспекты некоторых глобальных проблем. М.: Мысль. 1985. 207 с.
28. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. Вып. 4. С. 36–41.
29. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи / сост. А. Макшеев, профессор военной статистики в Академии Генерального штаба. СПб., 1867. 306 с.
30. Марков К.К. Военная география // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. № 3. С. 13–26.
31. Мартынов В.Л. Военная география мира в начале XXI века // География. 2008. № 9. С. 5–9.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

32. *Медведев А.И.* Военная статистика России. Курс старшего класса Николаевской военной академии. Т. 1. Вып. 1. Теория статистики // Военно-статистическое обозрение России. СПб., 1913. 246 с.
33. *Милютин Д.А.* Первые опыты военной статистики Д. Милютина генерального штаба полковника, императорской военной академии профессора. Кн. 1. СПб., 1847. 250 с.
34. *Мироненко Н.С.* Экологические проблемы в кризисных геополитических точках и районах // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 1–2. С. 27–42.
35. *Мироненко Н.С., Денисенцев А.С.* О политической геоэкономологии как области географического знания // Проблемы геоэкономологии. М., 2004. С. 12–24.
36. *Михайлов А.А.* Изучение всех военных сил и средств государства в данный момент / Военная география и военная статистика в отечественной науке: историографические аспекты // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 40–51.
37. *Олесик Н.С.* Военная георбанистика и военная география // Военная мысль. 2006. № 4. С. 38–47.
38. *Половинкин В.Н., Фомичёв А.Б.* Размышление о военной науке. СПб., 2016. 728 с.
39. *Польнов Б.Б.* Задачи военно-географической комиссии Всесоюзного географического общества // Известия Всесоюзного географического общества. 1944. Вып. 1. С. 3–9.
40. *Преображенский В.С., Александрова Т.Д.* Опережая время... Поиски оснований одной из географических наук Д.А. Миллютиным (середина XIX века) // Известия РАН. Серия географическая. 1996. № 2. С. 127–139.
41. *Савинкин А.Е., Домнин А.И.* Генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин и военно-географическая школа России // Военный академический журнал. 2016. № 3. С. 37–45.
42. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Западные области Белоруссии и Украины // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. № 1. С. 1–14.
43. *Сержантов А.В., Смоловый А.В., Терентьев И.А.* Трансформация содержания войны: контуры военных конфликтов будущего // Военная мысль. 2022. № 6. С. 19–30.
44. *Снесарев А.Е.* Военная география России. Ч. общая. 2-е изд. СПб.: Тип. газ. «Голос правды», 1910. 91 с.
45. *Снесарев А.Е.* Введение в военную географию. М., 1924. 547 с.
46. *Соловьёв В.* Смысл войны // Литературное приложение к журналу «Нива». 1895. С. 76–92.
47. *Тишков А.А.* География и Великая Победа // География и природные ресурсы. 2015. № 2. С. 5–12.
48. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1.: [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даля. М.: Изд-во общ-ва любителей Российской словесности. LIV. 627 с.
49. *Троицкий И.* От военной географии к военному государствоведению // Война и революция. Россия, Кн.11, 1928. С. 109–122.
50. *Фон К.К.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 861 с.
51. *Языков П.А.* Опыт теории военной географии с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначенных. Ч. 1. Изложение теории. СПб., 1838. 270 с.
52. *Clout H.* War and recovery in the countryside of north-eastern France: the example of the Meurthe-et-Moselle. Journal of Historical Geography. No. 23. 1997. Pp. 164–186.
53. *Cowen D.* The deadly life of logistics: Mapping violence in global trade. Minneapolis: University of Minnesota. 2014.
54. *Davis S.* The US military base network and contemporary colonialism: Power projection, resistance, and the quest for operational unilateralism. Political Geography. 2011. № 30(4). Pp. 215–24.
55. Department of Defense. 2018. The Minerva Research Initiative, available at: <https://minerva.defense.gov/> (Accessed 18 July 2018).
56. *Findlay A.M., Hoy C.* Global population issues: towards a geographical research agenda. Applied Geography. No. 20. 2000. Pp. 207–219.
57. *Gregory D.* War and peace. Transactions of the Institute of British Geographers. 2010. No. 35(2). Pp. 154–186.
58. *Lacoste Y.* An illustration of geographical warfare: Bombing of the dikes on the Red River, North Vietnam. Antipode. No. 5. 1973. Pp. 1–13.
59. *Kolosov V.A.* Political Geography in The USSR // Soviet Geography. 1989. T. 30. С. 635–649.
60. *Medina R.* From anthropology to human geography: Human terrain and the evolution of operational sociocultural understanding. Intelligence and National Security. 2014. 31(2). Pp. 137–153.
61. *Megoran N.* War and peace? An agenda for peace research and practice in geography. Political Geography. Vol. 30. Iss. 4. 2011. Pp. 178–189.
62. *Peltier L.C., Percy G.E.* Military geography. New Jersey. Van Nostrand. 1966.
63. *Petersen P.A.* Soviet Conceptual Framework for the Development and Application of Military Power. In Western Europe in Soviet Global Strategy. Routledge. 2019. Pp. 25–40.
64. *Petraeus D.* Learning counterinsurgency: Observations from soldiering in Iraq. Military Review January–February. 2006. Pp. 2–12.
65. *Rech M., Bos D., Jenkins K.N., Williams A., Woodward R.* Geography, military geography, and critical military studies. Critical Military Studies. 2015. No. 1(1). Pp. 47–60.
66. *Sheppard E.* Doing no harm. AAG President's Column, 24 June. 2013, available at: http://www.aag.org/cs/news_detail?press_release_id=D2490 (Accessed 18 May 2014).
67. *Wainwright J.D.* The US military and human geography: Reflections on our conjuncture. Annals of the American Association of Geographers. 2016. No. 106(3). Pp. 513–520.
68. War. Oxford Advanced Learner's Dictionary, available at: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/search/english/?q=War> (Accessed 28 October 2022).
69. *Woodward R.* From Military Geography to Militarism's Geographies: Disciplinary Engagements with the Geographies of Militarism and Military Activities. Progress in Human Geography. 2005. No. 29(6). Pp. 718–740.
70. *Woodward R.* Military landscapes: Agendas and approaches for future research, Progress in Human Geography. 2014. No. 38(1). Pp. 40–61.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

References

1. Alximenko, A.P. (1991), *Военно-морская география* [Naval geography]. Leningrad, Russia.
2. Anisimov, E.G., Selivanov, A.A., Chvarkov, S.V. (2021), *Gibridny'e vojny' – vazhnejshaya chast' predmetnoj oblasti teorii i praktiki «vy'sshej strategii»* [Hybrid wars – the most important part of the subject area of the theory and practice of "higher strategy"], *Vestnik Akademii voenny'x nauk*, no. 4(77), pp. 9–17.
3. Bartosh, A.A. (2022), *Zakony' i principy' gibridnoj vojny'* [Laws and principles of hybrid warfare], *Voennaya my'sl'*, no. 10, pp. 6–14.
4. Belozеров, V.K. (2015), *Voennaya geografiya i sud'by' mira* [Military geography and the fate of the world], *Voenny' akademicheskij zhurnal*, no. 4(8), pp. 174–176.
5. Berdyayev, N.A. (2005), *O prirode vojny'* [On the nature of war], *Russkie filosofy' o vojne*. F.M. Dostoevskij, VI. Solov'yov, N.A. Berdyayev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeczkoy, S.L. Frank, V.F. E'm., *Zhukovskij: Kuchkovo pole*, pp. 246–294.
6. Bochkaryov, P. (1951), *Rol' voennoj geografii v izuchenii e'konomicheskogo potentsiala* [The role of military geography in the study of economic potential], *Voennaya my'sl'*, no. 10, pp. 26–35.
7. Buyanovskij, M.S. (1956), *O nekotory'x voprosax e'konomicheskoy geografii v svete reshenij Vtorogo s'ezda Geograficheskogo obshhestva SSSR* [On some issues of economic geography in the light of the decisions of the Second Congress of the Geographical Society of the USSR], *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya*, no. 1, pp. 110–114.
8. Vallerstajin, I. (2001), *Analiz mirovy'x sistem i situaciya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world.], *Pod obshej redakciej kand. polit. nauk B.Yu. Kagarliczkij, Izdatel'stvo «Universitetskaya kniga»*, St. Petersburg, Russia.
9. *Geograficheskoe obshhestvo v gody' vojny': sbornik statej i materialov* (2015) [Geographical society during the war: a collection of articles and materials], Sost. A.I. Gluxov, M.F. Matveeva, A.A. Sorokin, Krasnaya Zvezda, Moscow, Russia.
10. German, K.F. (1809 (2016)), *Vseobshhaya teoriya statistiki* [Universal Theory of Statistics] [E'lektronny'j resurs]: dlya obuchayushhix sej nauke, *Izdannaya ot Glavnogo pravleniya uchilishh. St-Petersburge*, [8], 107, [1] s.
11. Gettner, A. (1930 (2013)), *Geografiya, ee istoriya, sushhnost' i metody'* [Geography, its history, essence and methods].
12. Gisser, G.G. (1910 (obl. 1911)), *Voennaya geografiya Rossii* [Military Geography of Russia], *Izd. 2-e, ispr. i dop.* St-Petersburg: tip. Shtaba vojsk gvardii i Peterb. voen. Okr, Russia.
13. Golubchikov, Yu.N. (2013), *Rol' geograficheskogo resursa v gryadushhix vojnax* [The role of a geographical resource in the coming wars], *Astraxanskij vestnik e'kologicheskogo obrazovaniya*, no. 2(24), pp. 64–71.
14. Grigor'ev, A.A. (1944), *Sovetskaya geografiya i vojna* [Soviet geography and war], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 1, pp. 10–20.
15. Druzhinin, A.G. (2015), *Razvitie rossijskoj obshhestvennoj geografii: trendy', problemny'e situacii, priority'* [Development of Russian public geography: trends, problem situations, priorities], *Baltijskij region*, no. 2(24), pp. 127–140.
16. Druzhinin, A.G. (2022), *Razvitie rossijskoj obshhestvennoj geografii: sovremenny'e vy'zovy' i opyt' proshlogo* [Development of Russian Human geography: modern challenges and experience of the past], *Geograficheskij vestnik = Geographical bulletin*, no. 2(61), pp. 17–33.
17. Druzhinin, A.G. (2022), *Novy'e sub'ekty' Rossijskoj Federacii: specifika, trendy', potencial razvitiya* [New subjects of the Russian Federation: specifics, trends, development potential], *Nauchnaya my'sl' Kavkaza*, no. 4, pp. 5–15.
18. Zverev, Yu.M. (2022), *E'voluciya voenno-strategicheskogo znacheniya Kaliningradskoj oblasti v kontekste otnoshenij Rossii i NATO* [The evolution of the military-strategic importance of the Kaliningrad region in the context of relations between Russia and NATO], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvenny'e i medicinskie nauki*, no. 1, pp. 31–43.
19. Zolotaryov, A.M. (1904), *Zapiski voennoj statistiki dlya intendantskogo kursa A.M. Zolotaryova, zaslužennogo ordinarnogo professora Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba* [Notes of military statistics for the quartermaster course of A.M. Zolotarev, Honored Ordinary Professor of the Nikolaev Academy of the General Staff], Ch. 1. *Ocherk teorii statistiki*. SPb., 106 s.
20. Kozhevnikov, D. (1952), *Voennaya geografiya, eyo mesto i rol' v voennoj nauke* [Military geography, its place and role in military science], *Voennaya my'sl'*, no. 5, pp. 34–48.
21. Kollinz, Dzh.M. (2005), *Voennaya geografiya dlya professionalov i neprofessionalov* [Military geography for professionals and non-professionals], *Nauchnaya kniga*, Moscow, Russia.
22. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S., Petrov, N.V., Trejvish, A.I. (1996), *Rossijskaya obshhestvennaya geografiya pervoj poloviny' 90-x godov* [Russian Human geography of the first half of the 90s], *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya*, no. 3, pp. 7–22.
23. Konstantinov, O.A. (1955), *K istorii i sovremennomu sostoyaniyu e'konomiko-geograficheskoy nauki v SSSR* [On the history and current state of economic and geographical science in the USSR], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, no. 3, pp. 259–266.
24. Kotlyakov, V.M., Preobrazhenskoy, V.S. (1995), *Akademicheskaya geografiya – vooruzhyonny'm silam (1941–1944 gg.)* [Academic geography – to the armed forces (1941–1944)], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 2, pp. 9–21.
25. Kriniczkiy, Yu.V., Chexovskij, V.G. (2022), *Sfery' vooruzhyonnoj bor'by' i teatry' voenny'x dejstvij* [Spheres of armed struggle and theaters of military operations], *Voennaya my'sl'*, no. 9, pp. 21–26.
26. Kuzin, V.Yu. (2017), *Arktika – voennaya geografiya regiona* [Arctic – military geography of the region], *ARKTIKA. XXI vek. Gumanitarny'e nauki*, no. 2(12), pp. 38–47.
27. Lavrov, S.B., Sdasyuk, G.V. (1985), *E'tot kontrastny'j mir. Geograficheskie aspekty' nekotory'x global'ny'x problem* [This contrasting world. Geographical aspects of some global problems], *My'sl'*, Moscow, Russia.
28. Lavrov, S.B. (1993), *Geopolitika: vozrozhdenie zapretnogo napravleniya*, *Izvestiya RGO*, vol. 4, pp. 36–41.
29. Maksheev, A.I. (1867), *Voенно-статистическое обозрение Россиjsкой империи* [Military Statistical Review of the Russian Empire], Sostavil A. Maksheev, professor voennoj statistiki v Akademii General'nogo shtaba, St-Petersburg, Russia.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

30. Markov, K.K. (1943), Voennaya geografiya [Military geography], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, no. 3, pp. 13–26.
31. Marty'nov, V.L. (2008), Voennaya geografiya mira v nachala XXI veka [Military geography of the world at the beginning of the XXI century], *Geografiya*, no. 9, pp. 5–9.
32. Medvedev, A.I. (1913), *Voennaya statistika Rossii. Kurs starshego klassa Nikolaevskoj voennoj akademii* [Military statistics of Russia. Senior class course of the Mykolaiv Military Academy], T. 1. Vy'p. 1. Teoriya statistiki. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossii. St-Petersburg, Russia.
33. Milyutin, D.A. (1847), *Pervy'e opy'ty' voennoj statistiki D. Milyutina general'nogo shtaba polkovnika, imperatorskoj voennoj akademii professora* [The first experiments of military statistics by D. Milyutin General Staff Colonel, Imperial Military Academy professor.], St-Petersburg, Russia.
34. Mironenko, N.S. (2002), E'kologicheskie problemy' v krizisny'x geopoliticheskix tochkax i rajonax [Ecological problems in crisis geopolitical points and areas]. *Ispol'zovanie i ohrana prirodny'x resursov v Rossii*, no. 1–2, pp. 27–42.
35. Mironenko, N.S., Denisencev, A.S. (2004), O politicheskoy geokonfliktologii kak oblasti geograficheskogo znaniya [On political geoconflictology as a field of geographical knowledge], *Problemy' geokonfliktologii. Moskva*, pp. 12–24.
36. Mixajlov, A.A. (2018), «Izuchenie vsex voenny'x sil i sredstv gosudarstva v danny'j moment». Voennaya geografiya i voennaya statistika v otechestvennoj nauke: istoriograficheskie aspekty' ["The study of all military forces and means of the state at the moment." Military geography and military statistics in Russian science: historiographical aspects], *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 3, pp. 40–51.
37. Olesik, N.S. (2006), Voennaya geourbanistika i voennaya geografiya, *Voennaya my'sl'*, no. 4, pp. 38–47.
38. Polovinkin, V.N., Fomichyov, A.B. (2016), *Razmy'shlenie o voennoj nauke* [Reflection on military science], St-Petersburg, Russia.
39. Poly'nov, B.B. (1944), Zadachi voенно-geograficheskoy komissii Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 1, pp. 3–9.
40. Preobrazhenskij, V.S., Aleksandrova, T.D. (1996), Operezhaya vremena... Poiski osnovanij odnoj iz geograficheskix nauk D.A. Milyutiny'm (seredina XIX veka) [Ahead of time... The search for the foundations of one of the geographical sciences by D.A. Milyutin (mid-XIX century)], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 2, pp. 127–139.
41. Savinkin, A.E., Domnin, A.I. (2016), General-fel'dmarshal D.A. Milyutin i voенно-geograficheskaya shkola Rossii [Milyutin and the Military Geographical School of Russia], *Voenny'j akademicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 37–45.
42. Semyonov-Tyan-Shanskij, V.P. (1940), Zapadny'e oblasti Belorussii i Ukrainy' [Western regions of Belarus and Ukraine], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, no. 1, pp. 1–14.
43. Serzhantov, A.V., Smolovy'j, A.V., Terent'ev, I.A. (2022), Transformaciya soderzhaniya vojny': kontury' voenny'x konfliktov budushhego [Transformation of the content of war: contours of military conflicts of the future], *Voennaya my'sl'*, no. 6, pp. 19–30.
44. Snesev, A.E. (1910), *Voennaya geografiya Rossii* [Military geography of Russia], Chast' obshhaya. 2-e izd, Tip. gaz. «Golos pravdy'», St-Petersburg, Russia.
45. Snesev, A.E. (1924), *Vvedenie v voennuyu geografiyu* [Introduction to military geography], Moscow, Russia.
46. Solov'yov, V. (1895), Smy'sl vojny', *Literaturnoe prilozhenie k zhurnalu «Niva»*, pp. 76–92.
47. Tishkov, A.A. (2015), Geografiya i Velikaya Pobeda, *Geografiya i prirodny'e resursy'*, no. 2, pp. 5–12.
48. *Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka* (1863) [Explanatory dictionary of the living Great Russian language.], Ch. 1.: [v 4 ch.], [soch.] V.I. Dalya, Izd. obshh-va lyubitelej Rossijskoj slovesnosti, LIV, Moscow, Russia.
49. Troiczkij, I. (1928), Ot voennoj geografii k voennomu gosudarstvovedeniyu [From military geography to military Statecraft], *Vojna i revolyuciya, Rossiya, Kn.11*, pp. 109–122.
50. Fon, K.K. (2007), *O vojne* [About the war], E'ksmo, Moscow, Midgard, St-Petersburg, Russia.
51. Yazy'kov, P.A. (1838), *Opy't teorii voennoj geografii s prilozheniem k izbraniyu punktov, dlya sooruzheniya krepostej prednaznachenny'x* [Experience in the theory of military geography with an application to the selection of sites for the construction of fortresses], Ch. 1. Izlozhenie teorii, St-Petersburg, Russia.
52. Clout, H. (1997), War and recovery in the countryside of north-eastern France: the example of the Meurthe-et-Moselle, *Journal of Historical Geography*, no. 23, pp. 164–186.
53. Cowen, D. (2014), *The deadly life of logistics: Mapping violence in global trade*. University of Minnesota, Minneapolis, USA.
54. Davis, S. (2011), The US military base network and contemporary colonialism: Power projection, resistance, and the quest for operational unilateralism, *Political Geography*, no. 30(4), pp. 215–24.
55. Department of Defense (2018), The Minerva Research Initiative, available at: <https://minerva.defense.gov/> (Accessed 18 July 2018).
56. Findlay, A.M., Hoy, C. (2000), Global population issues: towards a geographical research agenda, *Applied Geography*, no. 20, pp. 207–219.
57. Gregory, D. (2010), "War and peace", *Transactions of the Institute of British Geographers* no. 35(2), pp. 154–186.
58. Lacoste, Y. (1973), An illustration of geographical warfare: Bombing of the dikes on the Red River, *Antipode*, no. 5, pp. 1–13.
59. Kolosov, V.A. (1989), Political Geography in The USSR, *Soviet Geography*, vol. 30, pp. 635–649.
60. Medina, R. (2014), From anthropology to human geography: Human terrain and the evolution of operational sociocultural understanding, *Intelligence and National Security*, no. 31(2), pp. 137–53.
61. Megoran, N. (2011), War and peace? An agenda for peace research and practice in geography, *Political Geography*, vol. 30, iss. 4, pp. 178–189.
62. Peltier, L.C., Percy, G.E. (1966), *Military geography*, New Jersey: Van Nostrand.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

63. Petersen, P.A. (2019), Soviet Conceptual Framework for the Development and Application of Military Power, *Western Europe in Soviet Global Strategy*, pp. 25–40.
64. Petraeus, D. (2006), Learning counterinsurgency: Observations from soldiering in Iraq, *Military Review January–February*, pp. 2–12.
65. Rech, M., Bos, D., Jenkins, K.N., Williams, A., Woodward, R. (2015), Geography, military geography, and critical military studies, *Critical Military Studies*, no. 1(1), pp. 47–60.
66. Sheppard, E. (2013), Doing no harm. AAG President's Column, 24 June, available at: http://www.aag.org/cs/news_detail?press_release.idD2490 (Accessed 18 May 2014).
67. Wainwright, J.D. (2016), The US military and human geography: Reflections on our conjuncture, *Annals of the American Association of Geographers*, no. 106(3), pp. 513–520.
68. War. Oxford Advanced Learner's Dictionary, available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=War> (Accessed 28 October 2022).
69. Woodward, R. (2005), From Military Geography to Militarism's Geographies: Disciplinary Engagements with the Geographies of Militarism and Military Activities, *Progress in Human Geography*, no. 29(6), pp. 718–740.
70. Woodward, R. (2014), Military landscapes: Agendas and approaches for future research, *Progress in Human Geography*, no. 38(1), pp. 40–61.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2022; одобрена после рецензирования: 23.12.2022; принята к опубликованию: 06.03.2023.

The article was submitted: 27 November 2022; approved after review: 23 December 2022; accepted for publication: 6 March 2023.

Информация об авторе

Александр Георгиевич Дружинин

доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, Большая Садовая, 105; ведущий научный сотрудник Института географии РАН;

119017, Россия, Москва, Старомонетный переулоч 29, строение 4

Information about the author

Alexander G. Druzhinin

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University; 105, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences;

29, bild. 4, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017, Russia

e-mail: alexdru9@mail.ru